

Вечерело. В гостиной загородной виллы клана Годзё царил уютный покой.

Тодзи Фусигуро лениво листал каналы, полулежа на диване перед телевизором.

С тех пор как они с Эри поженились, их постоянным гнёздышком стал другой дом, но на вилле они по-прежнему бывали наездами — то погостить, то пообедать всем вместе. Сегодня Тодзи освободился пораньше, а вот Эри пришлось задержаться на работе. Готовить ужин ни одному, ни другому не хотелось, так что супруги, не сговариваясь, решили заглянуть на огонек к Годзё и перекусить на даровую руку.

— Вернулись? — спросил Тодзи.

Едва заслышав двойной шаг в прихожей, он сразу понял: явились Сатору и Сугуру. Оторвавшись от созерцания ипподромных новостей на экране, он повернулся к дверям.

И сразу почуял неладное. На физиономиях парней застыло весьма странное выражение — смесь уныния, напряжённой думы и какого-то дикого недоумения. Чтобы их кто-то обидел в школе? Исключено, не на тех напали. Напроказили и схлопотали нагоняй от учителей? Тоже мимо: в начальных классах их наказывали с завидной регулярностью, и обоим всегда было глубоко плевать.

Любопытно же. Тодзи нажал на паузу, останавливая трансляцию скачек, и хмыкнул:

— Эй, страдальцы. Чего носы повесили? Ну-ка выкладывайте, порадуйте дядю.

Его глумливая ухмылка не предвещала сочувствия, за что он тут же схлопотал по сочному закатыванию глаз от каждого.

— Отвали, Тодзи, — буркнул Сатору. — Не до тебя сейчас.

— Господин Тодзи, пожалуйста, не лезьте под руку... — вздохнул Сугуру.

Подростки явно не собирались откровенничать, но от намётанного глаза Тодзи ускользнуть было трудно. Он сразу заметил розовый уголок, торчащий из приоткрытой молнии на рюкзаке Сугуру. А его чутье, острое как у гончего пса, тут же уловило едва различимый шлейф девичьего парфюма, исходивший от обоих приятелей.

«Неужели?..» — промелькнула догадка.

Размышления Тодзи заняли ровно секунду.

— Эй, орлы, — заржал он. — Вы что, в одну девчонку втрескались?

В последнее время Тодзи за компанию с женой подсел на ночные мыльные оперы. Он искренне не понимал, какой режиссер с тяжелой травмой головы мог родить шедевры в духе «ты любишь её, она любит другого, а тот любит третью», но у дешёвой драмы было одно коварное свойство. Даже если ты плевался от сюжета, он въедался в память намертво, преследуя тебя повсюду, словно застарелый геморрой.

Вот и сейчас растерянность парней, девичий аромат и подозрительный розовый конверт в рюкзаке Сугуру мгновенно сложились в голове Тодзи в идеальный пазл из очередной мыльной оперы. Там как раз крутили похожую сцену: главный герой Таро сох по красавице Сакурако, а та вздыхала по его лучшему другу Тацутто. Сакурако тайно передала Тацутто любовную записку, Таро об этом пронюхал, приревновал, набил другу морду, а тот уверял, что девчонка ему даром не сдалась, но по нелепой случайности они оба оказались...

Сатору злобно зыркнул на Тодзи и вскипел:

— Придурок ты, Тодзи! Какая муха тебя укусила? Совсем на своей работе последние мозги растерял?

Какая еще Сакурако, какие Таро и Тацутто? Всё вообще не так!

— А что тогда стряслось? — хмыкнул Тодзи. — И откуда у Сугуру этот весёленький розовый конвертик? Не сами же вы его купили, в самом деле.

Сугуру со вздохом опустился на диван. В гостиной благодаря климат-контролю круглый год поддерживалось приятное тепло, однако ни он, ни Сатору так и не сняли шерстяные шарфы, которые Акихара заботливо повязал им утром перед школой.

— Я же говорил тебе, Сугуру, не надо было соглашаться! — раздраженно бросил Сатору, недовольно хмурясь. Его жутко бесило, что вся эта нелепица заварилась из-за дурацкого письма, которое его друг сдуру принял в школьном коридоре.

Сугуру извлек злополучный конверт из кармашка — именно он источал этот приторно-сладкий аромат, ввевшийся в их одежду.

— А тебе разве не интересно, что думает по этому поводу брат Акихара? — парировал он. — В конце концов, он уже в том возрасте, когда пора бы завести отношения.

Когда старшеклассница Саотоме смущенно призналась, что это любовное послание адресовано Годзё Акихаре, оба парня лишились дара речи от изумления. Сатору порывался тут же, на месте, отрезать жестким отказом за брата, но деликатный Сугуру перехватил инициативу. Он вежливо забрал конверт, пообещав передать его адресату, хотя честно предупредил, что за

результат не ручается.

Бедная Саотоме чуть не расплакалась от облегчения и рассыпалась в благодарностях, зато Сатору всю дорогу до дома метал громы и молнии.

— Да с какой стати брат вообще станет встречаться с подобной девчонкой? Зачем ты взял этот мусор? — ворчал он.

В отличие от куда более чуткого к чужим чувствам Сугуру, Сатору привык полагаться на чистую интуицию. Он твердо знал: Акихара далек от амурных дел, а уж крутить роман с хрупкой, беззащитной школьницей, которая и мухи не обидит, точно не станет. А раз так — зачем давать ложную надежду?

В школе Сугуру лишь мягко возразил, что отказывать в лицо — жестоко и некрасиво, однако стоило им переступить порог дома, как он заговорил совсем иначе.

Пока парни увлеченно препирались, Тодзи наконец уловил суть их спора.

— Так, погодите, — ухмыльнулся он, мгновенно взбодрившись. — Значит, какая-то малолетка из вашей школы накатала любовную цидулку Акихаре?

О, это было в стократ интереснее выдуманного любовного треугольника. Тодзи, не теряя времени, ловким движением выхватил розовый конверт прямо из пальцев Сугуру и бесцеремонно надорвал край.

— Господин Тодзи, отдайте! — возмутился Сугуру.

Для него это стало отличным поводом замять затянувшийся спор с Сатору. Он рванулся вперед, пытаясь перехватить письмо, но опытный наемник играючи увернулся от выпада подростка.

— Да ладно тебе, всё равно же Акихаре адресовано. Что такого, если я краем глаза гляну? — хохотнул Тодзи.

Сугуру бросился в погоню, Сатору, рассвирепев, ринулся следом за ними, и в ту же секунду просторная гостиная превратилась в арену для безумных догонялок. Ни один из троих не отличался грацией бабочки или заботой о казенном имуществе: они ураганом неслись мимо мебели, задевая локтями и плечами все на своем пути.

Звонко разлетелась вдребезги фарфоровая ваза. С грохотом повалился торшер.

Дом ходил ходуном. Именно эту какофонию бьющейся посуды и глухих ударов застали

Акихара, Киёкадзэ и Эри, когда вместе вернулись после тяжелого рабочего дня.

— Что там стряслось? — нахмурился Киёкадзэ, прислушиваясь к грохоту за дверью. — Неужели дерутся?

Эри устало зевнула. Последняя неделя перед долгожданным отпуском выдалась изнурительной, силы были на исходе, но мысль о скорых выходных помогала держаться на плаву.

— Кажется, я слышу голос моего ненаглядного, — пробормотала она.

Акихара молча толкнул дверь и вошел в прихожую как раз в тот момент, когда прямо ему в лицо на приличной скорости летело тяжелое кашпо. С безупречной реакцией он перехватил снаряд в паре сантиметров от носа.

— И что здесь происходит? — невозмутимо поинтересовался он.

От этого тихого, прохладного голоса Сатору и Сугуру мгновенно замерли как вкопанные. И лишь Тодзи на полной скорости пролетел мимо них к выходу, затормозив точнехонько перед супругой.

— Устала, милая? С возвращением, — ласково проговорил он и, нимало не смущаясь чужих взглядов, запечатлел нежный поцелуй на лбу Эри.

Типичный победитель по жизни, знающий толк в красивых жестах. Впрочем, его романтический порыв никто не оценил.

Киёкадзэ сокрушенно разглядывал осколки былой роскоши, разбросанные по паркету, мысленно подсчитывая убытки и прикидывая, кого вызвать для уборки. Акихара же перевел взгляд на застывших посреди беспорядка подростков. Его удивило их молчание. Обычно, стоило ему переступить порог, братишка с другом сразу подбегали или хотя бы весело приветствовали его, а тут — стоят как провинившиеся первоклашки и прячут глаза.

Пока он размышлял над причинами столь странного поведения, к нему подошел Тодзи и заговорщицки протянул надорванный розовый конверт, из которого сиротливо выглядывал край надушенной бумаги.

Решив сжалиться над занемевшими юнцами, наемник охотно пояснил:

— Это тебе. Любовное послание. Девчонка из их школы слезно умоляла передать лично в руки нашему неуловимому Акихаре.

Акихара на автомате взял конверт. Мазнув равнодушным взглядом по каллиграфическим строчкам, он недоуменно переспросил:

— Мне?

Поступление Сатору в среднюю школу совпало со вступлением Акихары на престол Золотого Короля. Дела государственной важности отнимали всё время, воспитывать младших почти не получалось, да и у ворот школы он за все годы появлялся от силы раза три. Он физически не мог помнить ни единого лица из окружения брата.

«Странные они, эти люди», — мысленно вздохнул он.

Не испытывая ни малейшего любопытства к чужим излияниям, Акихара без тени сомнения протянул пахнущую розами бумагу стоящему за спиной Киёкадзэ.

— Избавься от этого, пожалуйста.

Киёкадзэ открыл было рот, собираясь что-то сказать, но смолчал, послушно забрав конверт. Акихара тем временем подошел к притихшим подросткам.

— Развязали бы шарфы, раз вам так жарко, — мягко упрекнул он.

В доме и так всю работал обогреватель, а после бурной беготни от Тодзи с парней пот лил градом.

Сатору первым стянул с шеи вязаную полосу и мгновенно вцепился в рукав домашнего кимоно брата.

— А я говорил! — ябедничал он, сверкая глазами. — Твердил же этому упрямцу Сугуру, чтобы выбросил письмо прямо там! Так нет, притащил-таки домой. Это всё из-за него!

Сатору знал старшего брата лучше всех на свете. И пусть он с трудом представлял, кто вообще способен растопить это ледяное сердце, в одном он был уверен железобетонно: Акихара, с его вечной отстраненностью от мирской суеты, никогда не обратит внимания на пустышку, чьего имени даже не помнит.

Акихара ласково взъерошил непослушную шевелюру брата, усмиряя торчащие во все стороны вихры, а затем перевел взгляд на Сугуру, сиротливо стоявшего поодаль, и поманил его рукой.

Парень послушно подошел. От его недавней яростной дуэли взглядов с Сатору не осталось и следа — сейчас этот вежливый юноша с аккуратным черным пучком на затылке выглядел образцовым примерным учеником, отрадой любого родителя.

— Прости, брат Акихара, — негромко произнес Сугуру, виновато опустив голову. — Мне показалось слишком грубым отвергнуть ее чувства прямо в коридоре. Не хотелось создавать неловкую ситуацию... Вот я и взял письмо. Прости, что доставил хлопот.

Сатору ехидно прищурился:

— Что-то в школе ты пел совсем по-другому, Сугуру! Помнится, тебе просто не терпелось выведать, как брат относится к свиданиям. Хотя я русским языком сказал: ему это не интересно.

— Ведь так, братик? — Сатору заглянул Акихаре в глаза, ища подтверждения своей правоты.

Сугуру тоже затаил дыхание, ожидая ответа.

Акихара, ласково погладив обоих по головам, лишь тихо рассмеялся:

— Честно говоря, я и сам не знаю.

Его глаза потеплели, а губы тронула та самая улыбка, которую влюбленная Саотоме так восторженно расписывала в своем письме: мягкая, чарующая, неуловимо прекрасная, точно холодный свет полуночной луны.

— Но я даю тебе слово: если когда-нибудь в моей жизни появится особенный человек, ты узнаешь об этом самым первым. Идет?

Акихара шутливо оттопырил мизинец, предлагая брату скрепить уговор по-детски.

Заметив, как застыл и густо покраснел стоящий рядом Сугуру, Акихара тепло улыбнулся и протянул свободную руку ему:

— Ну а ты? Тоже хочешь дать обещание?

<http://bllate.org/book/19395/2004796>